

Оповещение. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Оповещение. Владимир Владимирович Набоков

У Евгении Исаковны, старенькой, небольшого формата, дамы, носившей только черное, накануне умер сын. Она еще ничего об этом не знала.

Шел утром дождь, дело было ранней весной, одна часть Берлина отражалась в другой, – пестрое зигзагами в плоском – и так далее. Чернобыльские, старые друзья Евгении Исаковны, получили около семи утра телеграмму из Парижа, а спустя два часа – письмо (по воздуху). Фабрикант, у которого с осени служил Миша, сообщал, что бедный молодой человек упал в пролет лифта с верхней площадки, – и еще после этого мучился сорок минут, был без сознания, но ужасно и непрерывно стонал – до самого конца.

Между тем Евгения Исаковна встала, оделась, накинула на острые плечи черный вязаный платок и на кухне сварила себе кофе. Истовым благоуханием своего кофе она гордилась перед фрау доктор Шварц, у которой жила, – скупой, некультурной скотиной, – с нею Евгения Исаковна вот уже целую неделю не разговаривала, – и это была далеко не первая ссора, – но съезжать не хотелось – по всяким причинам, не раз перечисленным, но никогда не скучным. Несомненное превосходство Евгении Исаковны над тем или другим лицом, с которым она решала временно прервать сношения, состояло в следующем: просто выключался слух, весь помещавшийся у нее в черном аппаратуре наподобие сумки.

Проходя с готовым кофе обратно к себе через прихожую, она увидела, как впорхнула в щель и села на пол открытка, просунутая почтальоном. Открытка была от сына, – о смерти которого Чернобыльские только что получили известие более совершенными почтовыми путями, – так что строки (в сущности недействительные), которые она сейчас читала, стоя на пороге своей большой нелепой комнаты, с кофейником в руке, можно было бы уподобить все еще зримым лучам звезды, уже потухшей. "Золотая моя Мулечка, – писал сын, так ее звавший с детства, – я по-прежнему по горло занят и по вечерам прямо валяюсь с ног, почти не бываю нигде..."

Через две улицы, в такой же нелепой, загроможденной чужими пустяками, квартире. Чернобыльский, не поехав сегодня "в город", шагал по комнатам, большой, жирный, лысый, с громадными дугами бровей и маленьким ртом, в темном костюме, но без воротничка (воротничок с продетым галстуком висел хомутом на спинке стула в столовой), шагал и говорил, разводя руками:

"Как я ей скажу? Какие тут могут быть переходы, когда нужно орать? Ах ты Боже мой, какой это ужас... У ней сердце не выдержит и разорвется, у несчастной".

Его жена плакала, курила, скребла в жидких седых волосах, звонила Липштейнам, Леночке, доктору Оршанскому – и все никак не могла решиться пойти первой к Евгении Исаковне. Жилища Чернобыльских, пианистка в пенсне, с полной грудью, чрезвычайно сердобольная и опытная, советовала не слишком спешить с извещением, – все равно будет этот удар, – так пускай будет позже.

"Но с другой стороны, – вскрикивал Чернобыльский, – нельзя и откладывать! Это ясно, что нельзя. Она – мать, она еще захочет может быть в Париж (я знаю?), или чтобы везли сюда. Бедный, бедный Мишук, бедный мальчик, двадцать три года, вся жизнь впереди... Главное – я же советовал, я же его устроил, – подумать, что если б он в этот паршивый Париж..."

"Ну что вы, Борис Львович, – рассудительно говорила жилища, – кто это мог предвидеть, при чем тут вы, это смешно. Я вообще, между прочим, не понимаю, как он мог упасть. Вы-понимаете?"

Напившись кофе и вымыв свою чашку (не обращая при этом ни-ка-ко-го внимания на фрау Шварц), Евгения Исаковна, с черной сеткой для покупок и зонтиком, вышла на улицу. Дождик подумал и перестал. Закрыв зонтик, она пошла по блестящей панели, – довольно еще стройная, с очень худыми ногами в черных чулках, из которых левый был плохо подтянут; ступни же казались несоразмерно большими, и она их ставила носками врозь, чуть прищелпывая. Несоединенная со своей слуховой машинкой, она была идеально глуха. Беззвучно (то есть, не выделяясь на постоянном фоне ровного полшума) передвигался кругом мир, – резиновые пешеходы,

Оповещение. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ватные собаки, немые трамваи, а над всем этим – едва шуршащие по небу тучи (там и сяма как бы проговаривалась лазурь). Среди общей этой тишины она проходила бесстрастная, скорее довольная, очарованная и ограниченная своею глухотой, в черном пальто, – и делала свои наблюдения и думала о разном. Она думала о том, что завтра, в праздник, вероятно, заглянут к ней такие-то; что нужно купить тех же, как и в прошлый раз, вафелек, – да еще мармелад в русском магазине, – и пожалуй десяток буше в той маленькой кондитерской, где всегда можно ручаться за свежесть... Высокий господин в котелке, шедший навстречу, показался ей издали (правда – очень издали) страшно похожим на Владимира Марковича, Идиного первого мужа, который умер один, ночью, в поезде, от сердца, – а проходя мимо часовой лавки она вспомнила, что пора зайти за Мишиными часиками, которые он с оказией прислал разбитыми из Парижа. Зашла. Бесшумно, скользко, ничего не задевая, ходили маятники, все разные, все вразброд. Она приладила свою машинку, вставила быстрым, – бывшим когда-то стыдливым, – движением наконечник в ухо, и далекий голос знакомого часовщика отвечал... стал вибрировать... и опять отпал... но вдруг звук подскочил, ударил: "В пятницу... В пятницу..." Хорошо, я слышу, – в пятницу. Выйдя от него, она снова разъединилась с миром. Ее карие глаза с желтизной на белках (точно слегка расплылся линючий цвет райка) приняли снова спокойное, пожалуй даже веселое, выражение... Она шла по знакомым улицам, ставшим для нее за эти годы почти такими же привычно занимательными, как московские или харьковские, вскользь одобряла взглядом встречаемых детей, собачек, – и вдруг зевнула на ходу – от мартовского упругого воздуха. Ужасно несчастный, с несчастным носом, в ужасной какой-то шляпе, прошел знакомый ее знакомых, о котором они всегда рассказывали что-нибудь, – и теперь она уже знала все. про него, – что у него ненормальная дочь, и мерзавец зять, и сахарная болезнь... Достигнув определенной торговки фруктами (открытой ею еще прошлой весной), она купила чудных бананов; затем довольно долго ждала очереди в бакалейной, глаз не спуская с профиля нахалки, пришедшей после нее, однако протиснувшейся ближе к прилавку; вот профиль раскрылся, – но тут она приняла должные меры... В кондитерской она тщательно выбирала, перегибаясь вперед, поднимаясь как ребенок на цыпочки и поводя указательным пальцем, – и черная шерстяная перчатка была с дырочкой. Не успела она выйти оттуда и заинтересоваться мужскими рубашками в витрине, как ее взяла под локоть здорово намазанная, оживленная мадам Шуф. Тогда Евгения Исаковна, глядя в пространство, проворно устроилась. включила слух, – и только видя в мир звуков, приветливо заулыбалась. Было шумно, ветрено; мадам Шуф наклонялась и тужилась, кривя красный рот, норовя попасть острием голоса прямо в сумочку с аппаратом: "Из Парижа – известия – имеете?" "Как же, даже очень аккуратно", – отвечала тихо Евгения Исаковна и добавила: "Что же вы не заходите, не звоните?" – и рябь пробежала по ее глазам оттого, что тут собеседница перестаралась: крикнула слишком резко.

Они расстались. Мадам Шуф, еще ничего не зная, пошла восвояси, – а ее муж, у себя в конторе, ахал, цыкал и качал головой вместе с трубкой, слушая, что говорит ему по телефону Чернобыльский.

"Моя жена уже отправилась к ней, – говорил Чернобыльский, – и я сейчас тоже пойду, но убейте меня, если я знаю, с чего начать, а жена все-таки женщина, может быть как-нибудь сумеет подготовить почву".

Шуф предложил постепенно писать на листочке: "Болен"; "Очень болен"; "Очень, очень болен".

"Ах, я об этом тоже думал, но выходит не легче. Какое несчастье, а? Молодой, здоровый, умница каких мало... А главное, – я же ведь его там устроил, я же ведь давал на жизнь... Ну да, все это я прекрасно понимаю, но все-таки эта мысль меня с ума сводит. Так значит, мы там наверно увидимся..."

Яростно и болезненно скалясь, откидывая назад толстое лицо, он наконец застегнул воротничок; со вздохом вышел из дому – и уже подходил к ее кварталу, когда вперед себя увидел ее самое, спокойно и доверчиво шедшую домой с сеткой, полной пакетов. Не смея ее нагнать, он задержал шаг, – только бы не обернулась. Эти старательные ноги, эта худая спина, еще ничего, ничего не подозревающая... Ох, согнется!

Только на лестнице она заметила его. Чернобыльский молчал, видя, что у нее ухо еще голое. Она сказала:

Оповещение. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
"Вот это действительно мило, Борис Львович... Нет, оставьте,- несла, несла, так уже донесу,- а вот если вы зонтик возьмете, тогда я открою дверь".

Они вошли. Чернобыльская и симпатичная пианистка уже давно там ждали... Сейчас начнется казнь.

Евгения Исаковна любила гостей, и гости у нее бывали . часто, так что теперь она ничему не удивилась, только очень обрадовалась и сразу принялась, как говорится, хлопотать. Ее внимание привлечь было невозможно, пока она шмыгала туда и сюда, меняя направление под внезапным углом (в ней разгоралась чудесная мысль всех накормить обедом). Наконец пианистка поймала ее в коридоре за конец шали и слышно было, как она кричит ей, что никто-никто обедать не будет. Тогда Евгения Исаковна достала фруктовые ножи, насыпала вафельек и конфет в две вазочки... Ее насильно усадили. Чернобыльские, пианистка и как-то успевшая за это время появиться барышня Мария Осиповна, почти карлица, сели тоже. Было таким образом достигнуто хотя бы известное расположение, порядок...

"Ради Бога, ради Бога, начни как-нибудь, Боря",- сказала Чернобыльская, пряча глаза от Евгении Исаковны, которая начинала приглядываться к лицам, не переставая, впрочем, изливать ровный поток милых, бедных, совершенно беззащитных слов.

"Ну что я могу!"- вскрикнул Борис Львович и, порывисто встав, заходил вокруг стола, за которым они все сидели.

Раздался звонок и торжественная фрау Шварц ввела Иду Самойловну и ее сестру,- на их белых страшных лицах было какое-то сосредоточенно-жадное выражение...

"Она еще не знает",- сказал Чернобыльский, нервно расстегнул пиджак и снова застегнул его на обе пуговицы.

Евгения Исаковна, дергая бровями, но еще улыбаясь, погладила руки новым гостям и уселась опять, пригласительно поворачивая свой аппаратик, стоявший перед ней на скатерти, то к одному, то к другому,- но звуки скашивались, ломались... Вдруг пришли Шуфы, а потом Соня,- а там Липштейн с матерью и Оршанские, и Елена Григорьевна, и старуха Томкина,- и все говорили между собой, но от нее отворачивали речи, вместе с тем душно и нехорошо вокруг нее группируясь, и уже кто-то отошел к окну и там трясся от рыданий, и доктор Оршанский, сидя за столом, внимательно рассматривал вафельку и приставлял ее к другой, как домино,- а Евгения Исаковна, уже без всякой улыбки, уже с какой-то злобой, совала свою машинку гостям... и Чернобыльский из угла комнаты, всхлипывая, орал: "Да что там в самом деле,- умер, умер, умер!" - но она уже боялась смотреть в его сторону.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!